

ЕВГЕНИЯ
ПЕРОВА

ЧИТАЙТЕ КНИГИ
ЕВГЕНИИ ПЕРОВОЙ
В СЕРИИ «СЧАСТЬЕ МОЕ, ПОСТОЙ!»

Я ВСЕ РАВНО ТЕБЯ ДОЖДУСЬ!
ДРУГАЯ ЖЕНЩИНА
ДРУГ ДЕТСТВА
СОЗДАННЫЕ ДЛЯ ЛЮБВИ

ЦИКЛ «КРУГИ ПО ВОДЕ»:

КНИГА ПЕРВАЯ «К ДРУГОМУ БЕРЕГУ»

КНИГА ВТОРАЯ «ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ»

КНИГА ТРЕТЬЯ «ОМУТЫ И ОТМЕЛИ»

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ «ТЕМНЫЕ ВОДЫ»

ЕВГЕНИЯ
ПЕРОВА

*Созданные
для любви*

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П27

Оформление серии *Е. Гузьяковой*

Оформление обложки *С. Власова*

Фото автора на обложке *С. Курбатова*

В оформлении обложки использована репродукция
картины художника *Висенте Ромеро Редондо*

*Все имена и события в произведении вымышленны,
любые совпадения случайны*

Перова, Евгения Георгиевна.

П27 Созданные для любви : [роман] / Евгения Перова. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 288 с. — (Счастье мое, стой! Проза Евгении Перовой).

ISBN 978-5-04-089251-8

В центре повествования – чудом сохранившаяся старинная усадьба, с которой накрепко связаны пять поколений женщин – пять красавиц с трагическими и такими обычными для России судьбами. Самая младшая из них, Елена, однажды узнает, что она – потомок княгини Несвицкой, и это накладывает невольный отпечаток на всю ее жизнь. Она становится хранителем музея-усадьбы, бывшего имения княгини, и пытается устроить свою личную жизнь... Однако все говорит о том, что в наследство Елене досталась нелегкая судьба – женское одиночество. Сможет ли Елена его избежать? Хватит ли ей решимости стать счастливой?..

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Перова Е., текст, 2017
© Курбатов С., фотография
на обложке, 2017
© Redondo V.R., 2017
© Оформление.

ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-04-089251-8

ГЛАВА 1

ЛЕНОЧКА

Когда ты наконец получаешь то, что хотела, оказывается, что это вовсе не то, чего ты хотела.

Гертруда Стайн

Князь Петр ехал верхом. Тяжелая карета, запряженная четверкой цугом, с трудом поспевала за резвой рысью бодрого жеребца — недавно прошел дождь и дорогу развезло. В карете сидели супруга князя, ее горничная с мопсом на коленях, испуганно косившаяся в окно на ряды корабельных сосен вдоль дороги, и бабка-повитуха, не выпускавшая вязанья из рук. Молодая княгиня была на сносях. Дорога утомила ее чрезвычайно, и она мечтала только о теплой постели. На подъезде к господскому дому у нее начались схватки, и, промучившись некоторое время, она произвела на свет девочку. С брезгливым недомением рассматривая красный орущий комо-

чек, княгиня недоверчиво слушала повитуху, предвещавшую малышке неслыханную красоту. Впрочем, так оно впоследствии и вышло. Князь Петр подарил жене бриллиантовый фермуар, а Александр Сергеевич Пушкин, бывший некогда в числе поклонников княгини, приветствовал рождение милого ребенка изящным стихом, правда, несколько запоздалым — новости медленно доходили до Северной столицы. Девочку назвали Еленой.

Спустя три года, проезжая поблизости, великий русский поэт навестил княгиню, принявшую его весьма благосклонно, благо ревнивый муж отсутствовал по делам. Пушкин приласкал малыжку, выпил чаю с вишневым вареньем и уехал в Петербург — навстречу злополучной судьбе, принявшей на сей раз облик белокурого красавца Дантеса с дуэльными пистолетами в руках.

В памяти маленькой Елены не запечатлелось никаких подробностей краткого визита солнца русской поэзии, но со временем она привыкла рассказывать — со слов взрослых, что сидела на коленях у Пушкина и картавым детским голосом читала желающим посвященные ей стихи. Это были первые перлы из богатого урожая, ко-

Созданные для любви

торый ей предстояло собрать в будущем, когда ее расцветшая красота разила, подобно молнии, слабые мужские сердца. Пока что Елена подрастала, радуя отца и тревожа своей юной прелестью привыкшую первенствовать мать.

В шестнадцать лет Елена, как положено, влюбилась в учителя своего брата — молодого художника, поражавшего горничных волной темных кудрей и бархатной блузой. Елена позировала еще для многочисленных портретов, и это привело живописца и модель к такой взаимной симпатии, что весенней темной ночью — сирень, соловьи, россыпь звезд — Елена вылезла из окна спальни во влажный от росы сад, где и была перехвачена отцом, вовремя предупрежденным одним из верных слуг о готовящемся побеге. Незадачливого художника вывезли на приготовленной им же бричке в соседнюю губернию и, надавав тумачков, отпустили с богом, наказав и близко не появляться. Елену заперли под домашним арестом. Она проплакала пару недель, потом несколько успокоилась. Семья переехала в Москву, где, танцуя на многочисленных балах, Елена забыла постепенно своего художника. Ей нравилось думать, что сердце ее разбито, и она

с томным видом принимала страстные ухаживания московских кавалеров.

Замуж ей не хотелось. Не слишком удачный союз ее родителей, хотя и осчастливленный пятью детьми, служил ей плохим примером. Одаренная от природы энергичным характером, редкостной для девушки прямоотой и силой воли, Елена не видела среди своих молодых поклонников никого, кто вызывал хоть каплю уважения какими бы то ни было достоинствами, кроме умения говорить комплименты и изящно скользить по паркету. Сватались к ней многие. В двадцать три года она, подобно Татьяне Лариной, стала женой генерала, который на пару десятков лет был ее старше. Как ни странно, она оставалась ему верна, и даже не вышла снова замуж, когда после пятнадцати счастливых лет семейной жизни генерал скончался, хотя в предложениях руки и сердца не было недостатка.

Елена Петровна родила двоих сыновей. Первенца назвали Петром, в честь деда, а младшего, появившегося на свет через восемь лет после брата, — Николенькой. Младший рос способным ребенком, получил блестящее образование и быстро сделал карьеру. Он занимался поли-

Созданные для любви

тической деятельностью, заседал в многочисленных Комитетах и Думах, и даже заигрывал какое-то время со всякими социалистами, приближая по мере сил крах того мира, об упрочении которого так заботился. Его старший брат был позором семьи: он весьма успешно проматывал немалое родительское состояние в Ницце и Монте-Карло, только изредка появляясь в родных пенатах. В сорок с лишним лет он неожиданно для всех — и для себя в первую очередь — женился и произвел на свет отпрыска, после чего его молодая жена, не выдержав постоянного соперничества с рулеткой, умерла от чахотки. Мальчика Алешу воспитывала Елена Петровна, явно предпочитая проказника и шалунишку чопорным дочкам младшего сына.

В 1917 году Елена Петровна была еще жива. В восемьдесят с лишним лет она сохранила царственность осанки, насмешливость ума и ясное понимание происходящего, что не помешало ей отвергнуть все просьбы Николая уехать с ним вместе во Францию. Накричав друг на друга, они обнялись со слезами, и Николай отправился влачить эмигрантское существование в равнодушную Европу, а Елена Петровна осталась

умирать в России. Пережив царствование четырех императоров, Елена Петровна почти в вековом возрасте скончалась — спустя несколько лет после смерти вождя мирового пролетариата, с которым ей довелось случайно познакомиться в Швейцарии, где будущий вождь, пользуясь всеми благами буржуазной цивилизации, еще только продумывал методы уничтожения буржуазии как класса.

Ее старшего сына давно уже не было в живых — нелегкая судьба занесла его в Аргентину, где он и нашел вечный приют под разлапистой пальмой. Любимчик Алеша запутал на дорогах Гражданской войны, был ранен, но выжил. С борта парохода, отплывавшего в Константинополь, он в последний раз взглянул на берега родины — причал, толпа на набережной, волны в белой пене, кричащие чайки, синяя дымка...

Имение Елены Петровны было разорено окрестными крестьянами и долго пребывало в запустении, пока в обветшавшем господском доме не поселилась коммуна беспризорников, которых пытался перевоспитать для светлого будущего преисполненный энтузиазма местный Макаренко. После войны переживший беспри-

Созданные для любви

зорников дом облюбовал Союз художников, устроив там себе творческую дачу. Художники и довершили преобразование имения, добавив к традиционной деве, разбившей об утес урну с водой, и пионеру с горном, оставшемуся от бывших беспризорников, бетонного крокодила, изливающего из пасти родниковую воду. Парк зарос, пруд не чистили лет тридцать, каменные львы, некогда стоявшие у лодочного причала, исчезли неведомо где, но по-прежнему обильно цвела по весне сирень, и пели соловьи, и солнце исправно садилось за дальний лесок, и колокол звонил к вечерне на монастырской церкви, и корабельные сосны все также тянулись вдоль прямой, как стрела, дороги, по которой некогда ехал верхом князь Петр...

Примерно так, но без особых подробностей, я рассказываю экскурсантам историю Усадьбы. Потом, стоя под портретом Елены Петровны, вежливо отвечаю на вопросы, порой самые невероятные. Больше всего любят спрашивать про клад, якобы зарытый в имении, и я терпеливо разъясняю, что это просто красивая легенда. Иногда какой-нибудь особенно зоркий посетитель замечает, что девушка-экскурсовод удиви-

тельно похожа на красавицу с портрета, и я отшучиваюсь, сваливая все на причуды освещения.

Портрет большой, ростовой. Копия, конечно, — подлинник висит в Русском музее. Иван Макаров написал картину перед самой свадьбой: Елена Петровна в белом платье, украшенном розами, вся в жемчугах. В одной руке сложенный веер, темные волосы разделены на прямой пробор, локоны спускаются на шею. Царственная осанка и насмешливый взгляд. Красавица, царица мужских сердец! Ее супруг — князь Лев Павлович Несвицкий — представлен у нас лишь на фотографии: бравый генерал с мрачным взглядом и пышными усами. Фотография тоже не подлинная — Исторический музей прислал нам скан.

А я на самом деле похожа на Елену Петровну. Когда смотрю на ее портрет, возникает чувство, что передо мной зеркало — просто одно лицо. И это неудивительно, ведь она моя прапрабабка. Знают об этом только в нашей семье. Да я и сама узнала лишь лет в двенадцать, когда Онечка стала понемножку рассказывать мне историю нашего рода. Онечка — это моя прабабушка. Тогда же я узнала, что на самом деле ее зовут

Созданные для любви

Хионія — это редкое и странное имя она еще в молодости заменила на Антонину, чтобы не выделяться из общей пролетарской массы. Агапия, Ирина и Хиония Солунские — святые христианские мученицы IV века. Об этом мне тоже рассказала Онечка. С греческого их имена переводятся как Любовь, Мир и Снежная. Снежная, надо же! А Елена не переводится никак, хотя имя тоже греческое — так звали Елену Прекрасную, из-за которой началась Троянская война.

Так вышло, что меня растила Онечка. Когда я родилась, ей было уже семьдесят семь, но она справлялась. Бабушка Маняша, конечно, тоже «принимала во мне участие», как она выражалась, но она всегда была активным общественным деятелем: профкомы и советы ветеранов отнимали столько времени, что на внучку его почти и не оставалось. А мама работала в Москве, и я редко ее видела — Москва далеко, каждый день не наездишься.

Наш городок с забавным названием Козицк расположен посередине между Петербургом и Москвой — глубокое захолустье. Ничем особенным он не примечателен, если только Усадьбой, в которую однажды ненадолго заезжал Пушкин.

И то многие пушкиноведы в этом сомневаются. Название города местные жители производят от слова «коза»: коз в округе и в самом деле много, и все редкой пуховой породы, так что вязание ажурных шалей и платков издавна было городским промыслом. Железная дорога разрезает город на две неравные половины, и наш дом стоит совсем рядом с путями, так что вся моя жизнь прошла под перестук колес и гудки проходящих мимо составов.

Так получилось, что наша семья — это четыре поколения женщин без мужчин. Природа щедро одарила нас красотой, а безжалостная Судьба словно в отместку лишила семейных радостей: ни одна из нас не знала своего отца — кто-то умер, кто-то пропал, а кто-то просто не захотел быть отцом. Это я про своего папашу. У нас у всех даже фамилии разные! В детстве я не задумывалась над этим, принимая как данность, а став взрослой, потратила немало времени, разбирая хитросплетения судеб двух своих бабушек и мамы.

Онечку мне трудно представить девочкой или девушкой — ни портретов, ни фотографий не сохранилось. Она сберегла только медальон с ма-

Созданные для любви

ленькой фотографией Алеши Несвицкого, внука Елены Петровны, который и был моим прадедом. Онечка — воспитанница Елены Петровны и выросла рядом с Алешей. Она была высокая, прямая, молчаливая и деятельная: умела все на свете и меня научила: шить, вязать, готовить, переплетать книги, печатать на машинке... Кем она только не работала за свою долгую жизнь! У нее были удивительные глаза — светлые, большие, сияющие. На старом морщинистом лице эти глаза жили своей собственной жизнью — словно под обликом старухи скрывалась юная девушка. Маняша, ее дочь и моя бабушка, получилась совсем другая — маленькая, живая, вся переливающаяся, как капелька ртути! А мама — тоже высокая, очень изящная, с копной черных кудрей и яркими карими глазами: пошла в своего отца, Илью Бронштейна, скончавшегося через несколько месяцев после ее рождения. Обеих бабушек отличала необыкновенная стойкость духа, а мама, на долю которой не пришлось даже маленькой доли тех тягот, что пережили Онечка и Маняша, оказалась существом весьма трепетным: вечно всего боялась, обо всем излишне беспокоилась и чуть что принималась